

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788025010023

Многоточие в русской литературе XVIII–XIX вв.: узус и кодификация

© 2025 г. В. И. Карпов

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
wi.karpow@gmail.com

© 2025 г. В. А. Нуриев

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21
nurievv@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается эволюция в использовании знаков, маркирующих на письме пропуск, паузу или обрыв речи, в русской литературе XVIII – начала XIX в. На примере многоточия и конкурировавших с ним знаков препинания авторы считают возможным проследить, как складывался пунктуационный узус на протяжении XVIII в. и осуществлялся процесс нормализации в области пунктуации в XIX в. В настоящее время общепринятой является точка зрения, что в русском языке послепетровского времени отсутствовала единая норма, а узус имел гибридный характер. Отмечается ослабевающее влияние старопечатной славянской книжности и, напротив, возрастающая роль переводной литературы. Специфика и интенсивность взаимодействия двух традиций зависели от того, какая из систем языка была затронута. Так, гибридный характер пунктуационного узуса сохранялся вплоть до XIX в. Знаки препинания в этот период можно распределить по группам по степени кодифицированности. К некодифицированным относились те из них, которые не были зафиксированы в нормативных справочниках, но стали использоваться в литературных текстах с первой четверти XVIII в. Их кодификация была произведена гораздо позже, когда они прочно вошли в литературный язык. В статье предпринимается попытка реконструировать правила употребления некодифицированных знаков препинания в пределах одного временного отрезка и выяснить, в какой мере эти правила зависели от существовавших письменных традиций. Наиболее показательным в этом смысле является многоточие: его присутствие в текстах наблюдается уже в 1720-е годы, хотя закреплено в грамматике оно было лишь в 1831 г.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в Федеральном исследовательском центре «Информатика и управление» Российской академии наук, проект № 23-28-00548.

Ключевые слова: пунктуация, многоточие, история русского языка, пунктуационный узус, кодификация

Для цитирования: Карпов В.И., Нуриев В.А. Многоточие в русской литературе XVIII–XIX вв.: узус и кодификация // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 1. С. 17–32. DOI: 10.31857/S1605788025010023

Ellipsis in Russian Literature of the 18th–19th Centuries: Usage and Codification

© 2025 Vladimir I. Karpov

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russia
wi.karpow@gmail.com

© 2025 Vitaly A. Nuriev

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia
nurievv@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the use of written marks that indicate omissions, pauses, and speech interruptions in Russian literature from the 18th to the early 19th century. The authors argue that, through the example of the ellipsis and competing punctuation marks, it is possible to see how the punctuation usage evolved throughout the 18th century and how the process of normalization in the field of punctuation proceeded in the 19th century. The currently accepted viewpoint is that there was no unified norm in the Russian language after Peter the Great's time, and the usage was of a hybrid nature. On one hand, there was a diminishing influence of early printed Slavic books, while on the other hand, the role of translated literature was increasing. The nature and intensity of the interaction between these two traditions depended on a given system of language. For example, the hybrid nature of punctuation usage persisted until the 19th century. During this period, punctuation marks can be grouped according to their degree of codification. Non-codified marks were those that were yet to be recorded in normative manuals but already occurred in literary texts from the first quarter of the 18th century. They were codified much later, when they had become commonly used in the literary language. In this regard, it would be worthwhile and linguistically important to clarify the rules for using non-codified punctuation marks within a certain time period and determine the extent to which these rules depended on existing writing traditions. The most illustrative in this respect is the ellipsis: its presence in literary production can be traced to as early as the 1720s, although it was only codified in grammar in 1831.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation at the Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, project No. 23-28-00548.

Keywords: punctuation, ellipsis, history of the Russian language, punctuation usage, codification

For citation: Karpov, V.I., Nuriev, V.A. *Mnogotochie v russkoj literaturne XVIII–XIX vv.: uzus i kodifikaciya* [Ellipsis in Russian Literature of the 18th–19th Centuries: Usage and Codification]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 1, pp. 17–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025010023

0. Введение

Пунктуационная система русского языка отличается неоднородностью и многомерностью. Это «проявляется в том, что знаки препинания распределяются по различным признакам в группы несовпадающего состава, образуют пересекающиеся классы» [1, с. 23]. Т.М. Николаева, в связи с этим, говорит о принципиальной эклектичности современной русской пунктуационной системы, что уже стало общепризнанным фактом

[2, с. 26]. Сказанное вполне применимо и к истории русской пунктуации. Принято считать, что в русском языке послепетровского времени отсутствовала единая норма, а узус имел гибридный характер: с одной стороны, ослабевало влияние церковнославянской книжности, с другой стороны, возрастила роль переводной европейской литературы. Гибридный характер пунктуации сохранялся вплоть до конца XVIII в. и проявлялся в том, что формальная кодификация знаков препинания, унаследованная от старой письменной

традиции, входила в противоречие с реальной практикой их использования.

Системно значимая дихотомия «норма – узус» отражает синхронное состояние языка, в диахроническом плане ее место занимает противопоставление знаков по степени кодифицированности. К некодифицированным, т.е. незафиксированным в нормативных справочниках, знакам препинания исторически относятся кавычки, тире и многоточие. Их включение в грамматики русского языка происходит в конце XVIII – первой трети XIX в., хотя в литературных источниках некоторые из этих знаков встречаются в первой четверти XVIII в., когда был введен новый гражданский шрифт. М.В. Ломоносов привел в «Российской грамматике» перечень знаков препинания, которые упоминались в ранних источниках, но оставил без внимания кавычки, тире и многоточие. Кодификация последних была произведена позже нормализаторами языка в результате наблюдения за живой речью и литературной деятельностью писателей-современников: нормализация употребления оказалась «не только формально-лингвистической проблемой, но и проблемой культурного выбора» [3, с. 24].

Историко-лингвистическое описание русской пунктуации, в частности тире и многоточия, предпринятое некоторыми отечественными исследователями (см. [4]; [5]), охватывало период с конца XVIII в. по XX в. Принципам представления знаков препинания в русских грамматиках XVI–XVIII вв. была посвящена публикация Т.И. Гаевской [6], в которой затронуты вопросы кодификации, но не функционирования пунктуационных знаков. В последнее десятилетие проведена серьезная исследовательская работа по анализу грамматических справочников ломоносовского периода, однако пунктуация в них не рассматривается (ср. [7]; [8]; [9]). Цель статьи – на примере многоточия и конкурировавших с ним знаков препинания проследить, как складывался пунктуационный узус на протяжении XVIII в. и осуществлялся процесс нормализации в области пунктуации в XIX в.

1. Постановка задачи, материал, подходы

Многоточие входит в группу конечных знаков препинания, включающую также точку, запятую, восклицательный и вопросительный знаки. В отличие от своих «собратьев» по группе, которые были не только описаны, но и теоретически осмыслены уже М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике», многоточие приводится в нормативных справочниках значительно позже.

Считается, что впервые данный пунктуационный знак был упомянут А.Х. Востоковым в «Русской грамматике», изданной в 1831 г., хотя в практику письма многоточие вошло задолго до фиксации в справочниках. Как отмечал А.Б. Шапиро по поводу использования некодифицированных знаков, «не представляется возможным точно указать, кому принадлежит инициатива их употребления в русской письменности» [10, с. 17]. Перед нами стоит задача троякого рода, а именно, выяснить, в каких функциях выступало многоточие в русских печатных источниках до первого упоминания в грамматиках, существовали ли альтернативные способы графического отображения данных функций и, наконец, какие значения приписывались многоточию в справочниках, опубликованных после выхода «Русской грамматики» А.Х. Востокова.

Материалом послужили публикации двух типов: справочные издания по грамматике и риторике, напечатанные с 1723 г. по конец XIX в.; публицистика и художественная литература XVIII – начала XIX в. (самый ранний источник относится к 1724 г.). Источникovedческий анализ выявил несколько проблемных аспектов, которые необходимо было учитывать при исследовании. Главный из них связан с отсутствием первых редакций документов: мы имеем дело либо с поздними изданиями рукописных копий, либо с противоречивым набором разноплановых произведений. При сравнении первоисточников с последующими перепечатками также было установлено, что исходная пунктуация не всегда сохранялась. В частности, в драматических произведениях М.В. Ломоносова, впервые опубликованных в 1750-е годы, были изменены пунктуационные маркеры для обозначения пауз и обрыва речи. Это прослеживается и в собрании сочинений 1784 г., и в театральных журналах, выходивших с 1786 по 1794 г. Обращение к поздним версиям (в том числе переводным) можно считать обоснованным, если не представляется возможным получить доступ к изначальному тексту или рукописи, отстоящей от первого издания на значительный промежуток времени. Например, «Сатиры» Антиоха Кантемира написаны в 1720–30-е годы, их первая публикация в виде сборника осуществлена только в 1762 г., при этом переводы на другие языки появились существенно раньше: на французский язык их перевели в 1749 г., на немецкий – в 1752 г.

Изложенные обстоятельства подводят нас к необходимости применить контрастивный подход к изучению истории русской пунктуации. Как

известно, контрастивный анализ может производиться в двух направлениях: внутриязыковом (интраплингвистическом) и межъязыковом (интерлингвистическом). В первом случае сопоставляются знаки препинания одного языка, во втором – одни и те же знаки в различных языках. Применительно к сформулированной выше задаче мы ограничились внутриязыковым контрастивным анализом, включающим следующую процедуру: а) выявляются знаки препинания, с помощью которых на письме отображаются паузы, обрыв и остановка речи; б) производится сопоставление выявленных знаков в текстах одного автора и у различных авторов, а также при необходимости в переводах этих же текстов на другие языки; в) по доступным ранним печатным источникам устанавливается, когда впервые появляется многоточие; г) приводятся трактовки многоточия по грамматическим справочникам.

2. Исследовательская часть

2.1. Некодифицированные знаки препинания в текстах XVIII в.: многоточие vs черточки

Способы графического отображения пауз, обрыва речи или умолчания варьировались в печатных изданиях на протяжении всего XVIII в. К примеру, М.В. Ломоносов в «Риторике» не использует многоточие, но ставит в цитатах две или три звездочки. Сочетание из нескольких черточек¹ или тире применяется, чтобы показать, что цитата приводится не полностью. Хронологически тире (одиночное и множественное) как знак умолчания появляется в русских грамматиках раньше многоточия. Это происходит в конце XVIII в. благодаря стараниям А.А. Барсова, ученика М.В. Ломоносова. А.А. Барсов называет тире «молчанкой», которая прерывает речь полностью или на короткое время «для выражения жесткой страсти», готовит читателя к неожиданному повороту событий [10, с. 21].

Обратимся к попыткам внедрить многоточие и конкурировавшие с ним знаки в печатные издания различной жанровой направленности в послепетровскую эпоху.

1. В 1708 г. в России был введен новый гражданский шрифт, сменивший полуустав допетровской эпохи. Изменения в книгопечатной практике сопровождались орфографической реформой

¹ В.Ф. Иванова разделяет два графических знака – тире и т.н. короткие черточки – в русской литературе второй половины XVIII в., поскольку их функции различались [4]. Мы согласны с таким подходом, но используем в нашей работе сокращенное наименование «черточки».

и требовали новых правил по выпуску типографской продукции. В вопросах пунктуации поначалу следовали грамматическим справочникам конца XVII в. и первой четверти XVIII в., в которых приводился набор наиболее употребительных знаков препинания. Так, в напечатанной еще полууставом грамматике Федора Максимова дан следующий перечень: точка, запятая, двоеточие, единитная (знак переноса), вопросная (точка с запятой, сменяется знаком вопроса ближе к середине века), удивительная (восклицательный знак), вместительная (квадратные скобки) и титла (надстрочный знак для сокращения слов, впоследствии был выведен из обращения) [11, с. 93–95]. В отношении кодифицированных знаков полиграфические принципы не менялись на протяжении значительного времени. В такой ситуации регламентация деятельности «справщика гражданской печати» [12, с. 60] укладывалась в рамки контроля за «правильностью» издаваемых книг в соответствии с предписаниями старых грамматик. Ориентиром в разработке новых норм «должен был оказаться европейский опыт устройства литературных языков. Начальные этапы нормализации тесно связаны с деятельностью Академии наук, в частности, с издаваемыми ею “Примечаниями к ведомостям”» [13, с. 158–159]. Сообщения в них переводились с латинского, французского и немецкого языков, а наблюдения за европейскими концепциями кодификации переносились на русский язык.

Способы освоения иностранного опыта могли быть различными, и одним из них, на наш взгляд, являлось следование пунктуационному узсу тех языков, с которых производился перевод. Подражание иноязычным образцам приводило к путанице в употреблении знаков пунктуации. А.П. Сумароков, характеризуя положение с правописанием, писал, что «в препинании многие из французских лучших авторов мешались»² [14, с. 50]. Не стоит игнорировать и произвол типографских работников: наборщики правят тексты, поскольку уверены, что писатели в рукописях ошибаются, «особливо когда несмысленные

² А.П. Сумароков в том же отрывке фактически говорит об эклектичности русской пунктуационной системы и объясняет это, во-первых, явной зависимостью русской системы пунктуации от иностранного пунктуационного узуза; во-вторых, индивидуальным (авторским) идиостилем, который проявлялся в том числе и в особенностях употребления каждого знака препинания (он полемизирует здесь с М.В. Ломоносовым). И, наконец, он дает свой перечень знаков препинания. Очередность их расположения и описание функций отличаются от того, что приводит М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» [14, с. 50].

авторы им сочинения свои отдают в полномочие, не зная, как за правописание и приняться» [Там же, с. 33]. Таким образом, на пунктуационную практику оказывали влияния три фактора: языковая интуиция сочинителя, орфография языка-эталона (если речь шла о переводах) и компетенция лиц, задействованных в издательском процессе.

Одним из запутанных случаев в практике правописания был выбор способа маркировки на письме пропусков и пауз. Многоточие в печатной продукции появляется в первые десятилетия после введения нового гражданского алфавита. Феофан Прокопович в речи в день коронации Екатерины I в мае 1724 г. прерывает выступление на словах: «Что убо вам, о богом венчанная пара, в дар принесем? Кия венцы похвал соплемен? Нет довольной силы ко благодарству, не имея слов...» [15, с. 111]. Наиболее ранний пример постановки многоточия на месте пропуска, возникшего, по всей видимости, из-за недосмотра составителя текста, удалось обнаружить в «Кратком описании комментариев Академии наук» за 1726 г.: «Есть же в сем граде самая большая высота около .... дюймов Англинских» [16, с. 117]. В «Примечаниях к Ведомостям», напротив, популярным пунктуационным средством стали черточки. Объясняется это обилием латинских цитат, при публикации которых допускались пропуски: а) в начале цитаты: «Равным же образом и Овидий: - - festisque Palilibus Vrbis» [17, с. 155] и б) внутри цитаты: «Напротив того суть слова Королевского Гишпанского указа примечания достойны: Ad nos perlatum est C. Daronium olim S.R.E. Cadrdinalem - - longa et prolixa dissertation verbis et rationibus nunquam aequis et modestis - - aggressum non modo in suspicionem adducere» [Там же, с. 253].

В переводной литературе многоточия ставились для обозначения остановки речи, когда собеседники перебивали друг друга. Реплики нередко сопровождались соответствующей ремаркой или оговоркой, как, например, в переводе «Разговоров о множестве миров» Бернара Фонтенеля, выполненному Антиохом Кантемиром в 1730 г.: «По глазам твоим, как мне кажется, вижу я что ты хочешь мне сказать, что понеже вся земля вдруг подвигается .... Подлинно, сказал я, перебив ее речи» [18, с. 28]. Однако чаще всего точками помечались места пропусков при сокращении имен и фамилий персонажей, ср.: «Сие самое случилось Господину де б ... Он увидел, что не произвело в дело его намерение, которого ему не могло быть полезнее, для того что он пре-небрег отдать поклон Господину Дюку де ..., с ко-торым ему надлежало договариваться о великом

чине» [19, с. 107–108]. Альтернативным средством в подобных случаях выступали звездочки, причем они могли сосуществовать с многоточиями в одном тексте, как видно по русскому переводу Фонтенеля: «Желание твое есть, Государь мой, иметь обстоятельное описание, каким образом проводил я время в деревне Госпожи Маркизы Г***» [18, с. 1], но: «Давно мы уже с Госпожой Маркизою Д... Г... не говоривали о мириах» [Там же, с. 163].

Пожалуй, самым ярким примером чрезмерного употребления черточек и многоточий можно считать оперу «Милосердие Титово», переведенную с итальянского языка в 1742 г. специально для постановки в день коронации Елизаветы Петровны. Черточки используются здесь как полиграфический прием для заполнения пустот при отбивке текста. Многоточие же выполняет более сложную функцию: оно маркирует места, где реплики обрываются, персонажи волнуются, говорят сбивчиво, колеблются в принятии решения и т.п.:

Вит. Увидишь Титус, узришь, что зделать имею,
Коли к любви привести тебя не умею,
И друзей твоих склоню, против тебя выдут,
Будешь после каяться ....
Пуб. - - - - - Вителлия ты ль тут?
Изволь скоро к Цесарю, он в твоих покоях,
Вит. Цесарь! На что я ему?
Пуб. - - - - - Как не знаешь? В волях
Он своих тебя в жену изволил избрati.
Вит. Шутить надо мною уж Публиус некстati.
Пуб. Какие шутки чаешь! Думать не изволи,
Сам Цесарь к тебе пришел, ведать твоей воли.
Вит. А Сервилия что?
Пуб. - - - - - А ей волил отказатi.
Вит. Как! Я ....
Пуб. - - - Так. Изволит тя Цесарь ожидатi.
Вит. Пожди, [обози!] ... Секстус ... о бедной мне тошно,
Секстус!.... ушел, Публиус беги как возможно;
Настиги ево .... скажи нет .... скоро сыщи Секста.
[Ах досадно мне зело] ... еще ты ни с места:
Пуб. Куды?
Вит. - - К Сексту.
Пуб. - - - - - Что скажу?
Вит. - - - - - Чтобы воротился.
Пуб. Иду, [ах как в радостях имеем мутиться] [20, с. 16]

Эмоциональный накал, по мысли сочинителя, сохраняется и при исполнении некоторых арий, многоточие здесь указывает на душевное состояние персонажа, которому открылись изменения и предательство:

Ты неверной, нет защиты,
Измены твои ... открыты.
Однако ж, как благодетель
Не зову ... что ты предатель.
Ты злодей предать мя тщился,
В дружбе ... хитрым платом крылся.
Я скрываюся ... от вида
За жалость ... твоего стыда [Там же, с. 30].

2. В первой половине XVIII в., как писал Ф. Булгарин, начала расцветать русская авторская литература, и «первым ее цветом были «Сатиры» князя Кантемира, которого по справедливости должно почитать первым из светских российских писателей» [21, с. 6]. В.К. Тредиаковский в связи с отсутствием напечатанных трудов А. Кантемира не без сожаления сообщал: «Стихотворных его сочинений много; а лучшими считаются Сатиры <...>, из которых первая сочинена в Москве 1729 года; да и поныне еще все они письменные только обносятся» [22, с. 490]. «Сатиры» впервые были напечатаны в России, по всей видимости, не ранее 1762 г. По поводу данной публикации П.А. Ефремов пишет, что «И.С. Барков, которому тогда было поручено печатанье их, переправил многие стихи, а примечания почти все переделал по-своему» [23, с. 5]. Издание же нового сборника, увидевшего свет в 1867 г., если верить П.А. Ефремову, было осуществлено с копии подлинной рукописи, датированной 1755 г. Исследователи творчества А. Кантемира, как правило, ориентируются на одну из указанных версий. Так, З.И. Гершкович приводит цитаты из «Сатир» по публикации 1867 г. [24], В.Ф. Иванова ссылается на тексты в редакции И.С. Баркова [4].

А. Кантемир сдержан в обращении со знаками препинания, но не может не отмечать паузы и обрывы речи. В «Сатире III», написанной в Москве в 1730 г. и посвященной Феофану Прокоповичу, рассказчик в одном месте прерывает свое повествование. В издании И.С. Баркова данный прием графически отображается тремя черточками, в версии П.А. Ефремова стоит многоточие, ср.:

Суму у убогих,

бороду у чернеца завидит, и в многих
случаях - - - да не пора ль, Музу моя, губы
прижав, кончить нашу речь?
[25, с. 57].

Суму у убогих,

Бороду у чернеца завидит, и в многих
Случаях ... да не пора ль, Музу моя, губы
Прижав, кончить нашу речь?
[23, с. 74–75].

В комментарии А. Кантемир поясняет: «В сем месте Сатирик нарочно пресекает описание завидливого Зоила, чтоб не наскучить Феофану» [25, с. 57], из чего понятно, что автор сознательно использует прием пунктуационной маркировки обрыва. В «Сатире V», озглавленной «Сатир и Периерг», в первом издании черточками отмечено место остановки речи одного персонажа

и начало реплики собеседника, у П.А. Ефремова оно оставлено пустым:

Сатир. <...> Оставь мя пожалуй в покое
Ничего не требую. - - - - -
Периерг. - - - - - Неправо худое,
Не знав меня, обо мне мнение имеешь [25, с. 73].

Обширные комментарии под текстами в обоих изданиях также снабжены черточками в цитатах, если автор приводит их не полностью. Однако здесь наблюдается известная графическая разница: внутри предложения использованы короткие черточки, перед примером при неполном цитировании – несколько длинных черточек, напоминающих тире, которые скорее всего выступали в качестве отточий для заполнения пустот. Разбирая второй пример, В.Ф. Иванова предположила, что короткие черточки в основном тексте употреблены для уравнивания строк, т.е. в той же функции, что и тире в примечаниях [4, с. 242]. Сличение двух версий показало, что изначально в цитате из «Сатира и Периерга» пропуск не был ничем заполнен: в редакции П.А. Ефремова черточки и тире частично сохранены только в комментариях А. Кантемира, в собственных примечаниях издатель проставил многоточие. В переводах на европейские языки не наблюдается строгого соответствия в передаче данных знаков. Так, во французском издании 1749 г. в «Сатире III» поставлено многоточие, в немецком же варианте 1752 г. напечатана комбинация из четырех сдвоенных тире (= = = =). В переводах «Сатир V» на французский и немецкий языки отсутствуют какие-либо знаки на месте черточек в русском тексте 1762 г. Разночтения имеются и в двух сохранившихся рукописных списках. Так, в сборнике Н.С. Тихонравова, составленном не позднее 1777 г., пропуски в цитатах заполнены черточками [26]; в стихах из собрания Д.В. Пискарева, написанных, как мы предполагаем, скорописью первой половины XVIII в., проставлено многоточие [27]. Если допустить, что тексты в редакции П.А. Ефремова напечатаны с сохранением авторской орографии и принять во внимание пунктуацию в переводе «Разговоров о множестве миров», выполненному в одно время с сочинением «Сатир», то в качестве гипотетического допущения следовало бы причислить А. Кантемира к тем авторам, которые одними из первых стали использовать многоточие на месте пропусков в русской литературе³.

³ Оговоримся, что при наличии существенных различий в имеющихся редакциях и отсутствии иных источников

3. Истинный век русской литературы, по мнению Н.М. Карамзина, начался с Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира, а продолжился эпохой М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова [28, с. 285]. Разумеется, в этот список необходимо включить В.К. Тредиаковского, хотя отношения всех трех мирными никогда не были. Их полемика приводит к «литературной войне», которая не разделяет, а «объединяет полемизирующие стороны, делая их участниками общего культурного процесса: поле битвы оказывается той творческой лабораторией, в которой разрабатывается как теория, так и практика литературы» [29, с. 135].

Добавим, что и русская пунктуация также становится частью большого литературного эксперимента. В.К. Тредиаковский крайне недоволен тем, как со знаками препинания обращаются его современники, в том числе и литераторы: «Нет вреда в излишних препинаниях; но худо было тогда, когда из них ни одного не употребляли. А находится еще и поныне много таких писателей, которые не ставят их в своих сочинениях, или некоторые хотя ставят, но и не везде, и не там, и не такие, какие введены и знающим ведомы» [30, с. 267]. Между тем необходимость каким-то образом заполнять пустоты, паузы, обрывы речи подталкивала самого В.К. Тредиаковского прибегать к способам, не описанным в грамматиках, но известным ему по французским текстам и по опыту двухлетнего пребывания в Сорбонне. В сочинении «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии» на замечание воображаемого иностранца он отвечает: «Однако в препинаниях строчных здесь с вашими почитай нет никакой разности, а которая и находится самая малая, только ж она и неважная, и в употреблении не долженствует быть чувствительная, для того что сим и другим способом равно получается то, для чего определены строчные препинания» [Там же, с. 92].

Для фиксации остановки или обрыва речи В.К. Тредиаковский регулярно прибегает к многоточию⁴, чтобы компенсировать пунктуационный дефицит родного языка. Причем данный знак сохраняется автором и в переводе латинских цитат, даже если в остальном он вольно

делать окончательный вывод о пунктуационных предпочтениях А. Кантемира пока преждевременно.

⁴ Т.И. Гаевская также указывает на эту особенность постановки многоточия в «Разговоре» В.К. Тредиаковского [6, с. 32].

обращается с пунктуацией оригинала. В примере ниже сохранено многоточие на месте остановки⁵:

Ut siluae folis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt: ita verborum vetus interit aetas,
Et iuuenium ritu florent modo nata vigentque ...
Как лист с дерев в лесах погодно опадает;
Так век старинных слов в языке пропадает:
Слова ж рождены вновь прекрасно в нем цветут,
И молодых людей подобием растут ... [Там же, с. 321].

Сочинение В.К. Тредиаковского, как понятно из названия, представляет собой изложение разговора; это означает, что текст должен производить впечатление живой речи, когда в диалоге говорящие замолкают, не оканчивают реплику, перебивают собеседника: «Ах! Стены у нас уши имеют: тотчас взведут, что я подлинно с Коперником равняюсь, чего мне и во сне на ум ... но довольно» [30, с. 365]. Подобным образом поступает автор и в драматических произведениях, предпочитая во всех случаях многоточие.

В один год с орфографическим трудом В.К. Тредиаковского появляется «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова, в котором нет ни одного многоточия. Во всех схожих случаях М.В. Ломоносов как бы нарочито ставит две или три звездочки, в приводимых обширных цитатах обозначая ими пропуски, усеченные фразы, а в примерах – паузы и обрывы речи, ср: «То я вас! ** только дай мне волны успокоить» [32, с. 211] или «Жизнь человеческая полна таких примеров. *** Дасть, истинно дасть себя на мучение блаженная жизнь» [Там же, с. 236]. Однако в литературных произведениях многоточие иногда появляется, но конкурирует с черточками⁶. Так, в трагедии «Демофон», опубликованной в 1752 г., многоточие в конце фразы отмечает паузу, наступившую из-за сильного волнения главной героини:

Филлида. Бежиши от глаз моих? Уж мысли развращенны
Не могут утерпеть моих правдивых слов.
Уже ты к своему отшествию готов,
И долее меня не хочешь удостоить .....
Демофон. Позволь, любезная, мне сердце успокоить! [34, с. 11]

⁵ По всей видимости, здесь мы имеем дело с приемом в стихосложении, который сам В.К. Тредиаковский называет «пресечением», т.е. обязательным соблюдением паузы при декламации [31, с. 139].

⁶ Примечательно, что М.В. Ломоносовставил многоточие в переписке. Вот известный пример из его письма к И.И. Шувалову от 19 января 1761 г., где он использует прием автоцитирования, но приводит цитату не полностью, заполняя пропуск пятью точками (при перепечатках заменены на троеточие): «Только дружиться и обходиться с ним никаким образом не могу, испытав через многие случаи, и знаю, каково в крапиву.....» [33, с. 39].

Далее в тексте в той же функции употреблены исключительно черточки, которые в последующих переизданиях последовательно заменены на многоточие. Данный факт не может не вызывать удивление, поскольку в одном и том же выпуске сборника «Российский театр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений», в котором публиковались драматические произведения почти всех русских писателей второй половины XVIII в., в том числе и М.В. Ломоносова, можно встретить помимо многоточия черточки, одинарное, двойное или тройное тире.

По оценке В.Ф. Ивановой, в русской печати конца 1760-х – начала 1770-х годов, по сравнению с предыдущим десятилетием, черточки и многоточия стали применять еще активнее. За счет такого обилия этих знаков тексты казались более эмоциональными [4, с. 242]. Видимо, такое впечатление могло возникнуть по той причине, что в рассматриваемой В.Ф. Ивановой период в целом увеличилось количество издаваемых драматических произведений, нацеленных на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик. Численный рост не в последнюю очередь связан с тем, что в это же время впервые печатаются драмы, созданные еще в 1740-е годы. К примеру, в трагедии А.П. Сумарокова «Хорев», написанной в 1747 г., но напечатанной в 1768 г., Оснельда обращается к возлюбленному со словами, наполненными горечью: «Люблю! – – – доволен ли? Поди из глаз моих» [35, с. 12]. Кий в ответ на слова Сталверха, подозревающего Хорева в предательстве, с недоумением вопрошает: «Хорев? – – – мой брат? – – – мой сын? – – – Хорев меня обманет?» [Там же, с. 19]. В переводе трагедии «Гамлет», выполненной в 1748 г., но известной по поздним версиям, черточки также сопровождают эмоционально нагруженные фрагменты, ср. момент, когда Гамлет стоит с обнаженной шпагой, произносит гневные слова в адрес недоброжелателей и внезапно видит Офелию:

Умрите вы теперь, мучители, умрите!
Пришел ваш лютый час – – – но что вы очи зрите!
Офелию. – – – в какой пришла сюды ты час!
Сокрой себя теперь от Гамлетовых глаз! [36, с. 34]

В «Притчах» напряженных моментов значительно меньше, поэтому и черточки наблюдаются не так часто, но употребляются в схожих контекстах – при эмоциональных восклицаниях, ср.:

Так кости у меня в земле для вас зарыты,
И самые свежие: лежат они – – – ох! ох!
Два раза охнул, и издох [37, с. 28].

Как видно из примеров, в корпусе текстов А.П. Сумарокова многоточие нигде не встречается, а черточки, напротив, обильно представлены

во всех жанрах: и в драмах, и в нравоучительных притчах. Конкуренцию черточек с многоточием В.Ф. Иванова объясняет тем, что первые ставились «при таких перерывах речи, когда автор хотел подчеркнуть особую взволнованность своих героев» [4, с. 248]. В пародийном «Разговоре в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым», вышедшем из печати в 1777 г., оба знака чередуются, и тем самым создается впечатление, будто и после смерти два великих творца не могут примириться [38]. В дальнейшем тенденция к конкурентному использованию данных знаков сохранялась, но к началу XIX в. преобладающим оказалось все же многоточие, а черточки уступили место тире⁷.

2.2. Многоточие в XIX в.: «Русская грамматика»

**A.Х. Востокова, литературный процесс
и грамматическая традиция**

Первая серьезная попытка ввести многоточие в реестр знаков русской пунктуации принадлежит А.Х. Востокову⁸. Он называет его «знак пресекательный», но тут же оговаривается, добавляя «или многоточие» [41, с. 318], и дает такое определение: «Знак пресекательный ставится, когда речь бывает прервана»; правило иллюстрируется примером: «Мне надлежало идти, но ..... я невольно остановился» [Там же, с. 326]. В определении А.Х. Востокова особого внимания заслуживают следующие обстоятельства.

Во-первых, обозначение «пресекательный» реферирует к риторической традиции, с которой русский читатель познакомился еще в XVIII в., в том числе и по переводным источникам. Так, в греческом труде «Златослов, или Открытие риторской науки» Ф. Скуфоса, изданном в 1681 г. и опубликованном на русском языке в 1779 г., сказано: «Умолчание, кое еще и Пресеканием называется, есть то, когда пробегая в говорении

⁷ По мнению В.Ф. Ивановой, тире «как собственно русский знак препинания возникло из коротеньких черточек. Основанием для такого суждения могут служить <...> явные следы чисто типографского соединения нескольких коротеньких черточек в одно тире» [4, с. 253].

⁸ Слово «многоточие» встречается и в литературных источниках первой трети XIX в. В частности, А.А. Бестужев, вспоминая свою встречу с А.С. Грибоедовым в 1824 г., пишет: «Знаки восклицания в преувеличенных письмах о нем не убеждали меня более, чем двоеточия и многоточия, словом, я хотел иметь свое мнение» [39, с. 134]. В повести «Лейтенант Белозор» (1830) так описывается смятение персонажа: «Изумленный таким явлением, Виктор снял со свечи, протер отяжелевшие глаза, – не тут-то было! – дети азбуки не унимались: строчки бегали вкось и вдоль и словно дрались между собою, запятые и многоточия (вещь необходимая в любовном письме, как дробь в охотничьем заряде) летели со стороны на сторону» [40, с. 321].

как скоротечная река, язык вдруг умолкает и в течении слова речь и слово пресекает» [42, с. 135]. Годом ранее Амвросий Серебренников охарактеризовал этот риторический прием следующим образом: «Умолчание (*aposiopesis*) есть нечаянное речей и разума не оконченного присечение» [43, с. 149]. В книге «Опыты риторики» И.С. Рижского умолчание трактуется как «пресечение недоконченного смысла по причине весьма сильной страсти» [44, с. 60]. М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» не прибегает к эпитету «пресекательный», но все же использует терминологическую пару, когда пишет: «Умолчанием или перерывом называется неоконченный разум в слове, по которому другой начинается» [32, с. 211].

Во-вторых, А.Х. Востоков в своем определении сочетает сразу два из трех возможных принципов русской пунктуации (ср. [45, с. 393]): смысловой (стилистический) – многоточие как маркер обрыва речи – и формальный (графический) – знак, состоящий из нескольких точек. Однако вопрос, как обозначать на письме «пресекание», пока еще не находит окончательного решения. Один из современников А.Х. Востокова, В.В. Одинцов, в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» за 1833 г. пародирует модную манеру писателей-сентименталистов: «Я удостоверился, что сентиментальный путешественник имеет право в дорожных записках своих ставить без числа знаки восклицательные !!!!!! вопросы ?????? черточки чувствительные - - - - - точки меланхолии .... гипохондрии ... мечтательности ..... таинственности ...» (цитата по [4, с. 243]). Иными словами, В.В. Одинцов приводит стилистическое объяснение расстановки пунктуационных знаков, попутно указав на количественные и качественные различия: для одних целей используются короткие черточки, для других – разное число точек. В.Н. Топоров отмечает, что излюбленным приемом Н.М. Карамзина, главного представителя русского сентиментализма, было тройное тире, имевшее «оттенок неоконченности, некоторой неопределенности, неуверенности, за которыми может чувствовать известная смущенность». Близкой семантикой обладают двойное тире и многоточие, точнее, «двоеточие горизонтальное, троеточие и даже четверточие, как бы фиксирующие возрастающие степени паузы» [46, с. 58–59]. В примере из грамматики А.Х. Востокова предложение разрывается пятью точками, а не привычным для нас троеточием.

Пристрастие к многоточиям вызывало неоднозначные комментарии со стороны литературного сообщества. «Не знаю, с каким намерением

г. Полевой после крупного “Я” поставил ряд таинственных точек; но желал бы, чтобы он с нами поделился тем, что “очень понимает” и чего мы понять не можем» – возмущается Д.В. Веневитинов в одной из критических заметок [47, с. 25–39]. А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому в октябре 1823 г. пишет по поводу использования знаков препинания в поэме «Кавказский пленник»: «Теперь замечание типографическое: *Все понял он...* Несколько точек, в роде Шаликова и – à la ligne прощальным взором и пр. Теперь я согласен в том, что это место писано слишком в обрез, да силы нет ни поправить, ни прибавить» [48, с. 72]. Упоминаемый в письме писатель-сентименталист П.И. Шаликов отличался избыточным употреблением тире и многоточий, ср.: «Эраст отчасу более видел в Нине ... ангела сердца своего – и в один день, воспользовавшись минутами, когда был с нею без свидетелей, он схватил руку ее, прижал ее к устам – к сердцу своему...» [49, с. 7].

Начало творчества русских писателей-сентименталистов совпало с периодом, когда тире и многоточие были конкурирующими знаками сохожей семантикой. В грамматике А.Х. Востокова эта конкуренция снималась, «выработка новой нормы осуществлялась прежде всего как устранение немотивированной вариативности», которая досталась в наследство от языка XVIII в. [13, с. 156–157]. Поначалу русские грамматисты все же указывали тире как потенциальную замену многоточия. В «Практическом курсе русского языка» говорилось, что «при неожиданном переходе в речи, заменяя многоточие», может ставиться тире [50, с. 104]. В последующих справочниках уточнялась функциональная нагрузка многоточия, и формулировались в самых общих чертах правила его употребления: «Для показания, что речь прервана, ставится несколько точек, или многоточие» [51, с. 432]; «многоточие обозначает недоконченную мысль, или недоконченный ряд мыслей <...> многоточие, обозначающее продолжительную остановку голоса, ставится для большей силы выражения» [52, с. 128]; «многоточие ставится, когда речь прервана или когда хотели ее прервать, но отдумали <...> когда желаем на письме обозначить паузы, которые делаем при разговоре» [53, с. 104–105]; «многоточие ставится для обозначения перебитой речи кем-нибудь или прерванной, почему бы то ни было, самим говорящим» [54, с. 54]; «многоточием, т.е. тремя и более точками сряду отмечается либо неконченная мысль, либо многозначительное размышление или сильное чувство» [55, с. 115] и т.д.

Развернутая классификация функций многоточия приводится в «Краткой русской грамматике» Н. Лебедева и А. Крестовоздвиженского. Составители считали, что данный знак встречается «в такой речи, которая произносится при особенном возбуждении души говорящего», и перечислили наиболее типичные случаи:

1) Многоточие ставится в том месте, где речь прерывается, и читателю, взамен недосказанного, представляется вообразить дальнейшее <...>.

2) Многоточие ставится в том месте, где речь, начатая каким-либо говорящим лицом, с намерением прерывается им же или другим лицом (а иногда явлением). В стилистике такой оборот, когда само лицо говорящее с намерением прерывает свою речь, называется фигурой умолчания <...>.

3) Многоточие ставится между словами такой речи, которая произносится с запинкой, с протяжностью, с сомнением или с трудом <...> [56, с. 123–126].

Составители помещают многоточие в одну группу с восклицательным и вопросительным знаками, считая, что они наиболее часто встречаются «в рассуждениях, речи ораторской и поэтических сочинениях преимущественно лирического и драматического» содержания [Там же, с. 123]. Похожим образом представлено многоточие в «Сборнике правил русского правописания», изданного в 1897 г. Я.Д. Малиссоm, который взял за основу «Русское правописание» Я.К. Грота. По мнению Я.Д. Малисса, многоточие ставится после прерванной мысли, когда говорящего кто-либо или что-либо прерывает, после запинок, остановок и т.д. [57, с. 66].

Третий принцип русской пунктуации – интонационный – затрагивался в дореволюционных грамматических справочниках гораздо реже и в весьма усеченном виде. Фактор говорящего учитывался поначалу в контексте передачи на письме эмоционального настроя, сильных чувств, страсти, но об интонации как таковой речь не шла, хотя на связь пунктуации с просодическим строением речи указывали еще в источниках петровского времени, в том числе в официальных документах⁹. Тем не менее, только А.М. Пешковский

одним из первых высказал тезис о том, что «знаки препинания отражают не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи» [10, с. 58], а применительно к многоточию один из авторов писал, что этот знак «употребляется для указания неоконченности и прерванности речи, что всегда сопровождается особой интонацией голоса» [59, с. 41]. Вопрос о применении данного принципа в формулировках пунктуационных правил остается дискуссионным, хотя «учет интонационного оформления позволяет заметно упростить существующие группы правил» в области пунктуации [60, с. 24].

3. Заключение

1. Критическое рассмотрение пунктуации, которое помогло бы установить оригинальность исследуемого документа, «до сих пор является одним из самых больных вопросов текстологии» [61, с. 221]. В отношении ряда литературных памятников XVIII в. возникает серьезное сомнение в том, что мы имеем дело с пунктуацией сочинителя, а не переписчика или наборщика. Авторский подход к расстановке знаков препинания наталкивался на недопонимание со стороны работников типографий, которые готовили рукопись к печати. В нашем исследовании мы привлекали прижизненные издания либо публикации, хронологически близкие к первоначальной версии, исходя из допущения, что в этом случае авторская орфография и типографская правка не сильно различаются.

2. Знаки препинания на месте пропусков, по всей видимости, начали использоваться в конце 1720-х годов. Одно из ранних свидетельств употребления многоточия в печатном тексте нами обнаружено в речи Феофана Прокоповича, произнесенной в день коронации Екатерины I в 1724 г. В периодике многоточие появляется не позднее 1728 г., в переводах французских авторов, возможно, начиная с 1730 г. Вероятность влияния пунктуационного узуса французского и немецкого языков на русскую пунктуацию в этот период мы оцениваем как очень высокую (ср. [62, с. 130]). Иностранные языки предоставляют арсенал вариантов, «из которого разные узусы (индивидуальные или складывающиеся в традиции) выбирают различные частные, по-разному упорядоченные наборы или конфигурации вариантов» [3, с. 18]. Так, явно по французской модели шло использование многоточия (А. Кантемир,

⁹ В мае 1722 г. вышел указ императора Петра I «О учении церковнопричетнических детей в архиерейских, а не арифметических школах», в котором среди прочего было сказано, что при архиерейском доме должно «определить умных и честных учителей, которые в книжном чтении были бы остры и разумны, и правоглаголение добре произносить, и ударение просодии и препинание строчное беспогрешно соблюдать знали, и других научить были довольны» [58, с. 172]. В следующем году Федор Максимов, исполняя царскую волю, напечатал «Грамматику», в которой повторил сказанное в петровском указе, упомянув в предисловии слова «просодия»

и «препинание» в том же порядке: «Предсудися же паче бытия просодия, яже учит глас управляти, и во чтении препинание честно хранити» [11, с. 5].

В.К. Тредиаковский), а по немецкой – черточек и тире (М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков).

3. К 1740-м годам функциональный потенциал многоточия существенно расширился: оно выступало и в качестве формального средства (для заполнения пропуска в именах или цитатах), и как маркер эмоционально-экспрессивного синтаксиса, с помощью которого на письме обозначались остановка или обрыв речи, паузы и т.п. Его конкурентами в XVIII в. могли выступать черточки и звездочки, ближе к концу века – тире, но функционально ни один из них не перекрывал многоточие.

4. В грамматиках русского языка на протяжении XIX в. происходила дальнейшая дифференциация функций многоточия. К концу века в большинстве справочников указывали три основных случая его употребления: когда речь внезапно прерывается автором повествования, когда персонаж обрывает реплику, либо его перебивает собеседник, и когда речь произносится медленно, с паузами или запинкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 5–25.
2. Николаева Т.М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 26–46.
3. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.
4. Иванова В.Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 236–253.
5. Копылова С.А. Функционирование многоточия в русских литературных текстах XVIII–XX веков / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 32 с.
6. Гаевская Т.И. Вопросы русской пунктуации в трудах грамматистов XVI–XVIII веков: пособие для студентов. Пермь: Пермский гос. педагог. ин-т, 1973. 39 с.
7. Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография / Отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.
8. Адодуров В.Е. “Anfangs-Gründe der russischen Sprache” или «Первые основания российского языка» / А.А. Ветушко-Калевич, С.С. Волков, Л.Н. Григорьева [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»; Издательство Нестор-История, 2014. 256 с.
9. Карева Н.В. Немецкие источники «Российской грамматики» М.В. Ломоносова: система глагольных времен // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 4. С. 29–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.903.
10. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Издательство АН СССР, 1955. 398 с.
11. Максимов Ф. Грамматика славенская, вкратце собранная. СПб.: Тип. Александро-Невского монастыря, 1723. 212 с.
12. Херасков М.М. О письменах славенороссийских и тиснении книг в России // Утренний свет. Часть 1, Сентябрь 1777 г. СПб., 1777. С. 55–61.
13. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.
14. Сумароков А.П. О правописании // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Часть X. М., 1782. С. 3–50.
15. Прокопович Ф. Слово в день коронации Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, говоренное в Москве в Успенском первопрестольном соборе мая 7 дня 1724 года // Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, собранные и некоторые вторым тиснеем, а другие вновь напечатанные. Часть II. СПб., 1761. С. 104–111.
16. Краткое описание комментариев Академии наук. СПб.: При Императорской Академии наук, 1728. 127 с.
17. Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях, изданные в Санктпетербурге при Академии наук. СПб., 1729. 416 с.
18. Фонтенель Б. де. Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году. СПб.: При Императорской Академии наук, 1740. 218 с.
19. Фенелон Ф. Истинная политика знатных и благородных особ. Переведена с французского через Василия Тредиаковского. СПб.: При Императорской Академии наук, 1737. 224 с.
20. Метастазио П.А.Д. Милосердие Титово: опера с прологом, представленная во время высокоторжественного дня коронации Ея Императорского Величества Елизаветы Петровны самодержицы всероссийской. М.: Типография при Императорской Академии наук, 1742. 48 с.
21. Булгарин Ф.В. Иван Иванович Выжигин // Полное собрание сочинений. Том первый. СПб., 1839. 245 с.

22. Тредиаковский В.К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Июнь 1755 г. СПб., 1755. С. 467–510.
23. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Редакция изд. П.А. Ефремова. СПб., 1867. 725 с.
24. Гершкович З.И. К истории создания первых сатир Кантемира // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Наука, 1962. С. 349–357.
25. Кантемир А.Д. Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб.: При Императорской Академии наук, 1762. 176 с.
26. Кантемир А.Д. Сатиры (5) А.Д. Кантемира с Предисловиями к читателю и изъяснениями. Рукописная версия из собрания Тихонравова Н.С. Код документа в НЭБ: 000199_000009_006708424. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006708424/
27. Кантемир А.Д. Антиоха Кантемира речь к императрице Анне Иоанновне и первые пять сатир: в первоначальной редакции. Рукописная версия из собрания Пискарева Д.В. Код документа в НЭБ: 000199_000009_006564769. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006564769/
28. Карамзин Н.М. Пантеон русских авторов // Вестник Европы. 1802. № 20. Октябрь. С. 285–291.
29. Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов // Russian Literature. 1992. V. 31. Iss. 2. С. 133–271. DOI: 10.1016/0304-3479(92)90029-E.
30. Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии: старинной и новой, и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб.: При Императорской Академии наук, 1748. 460 с.
31. Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия. Л.: Издво Ленинградского университета, 1991. 254 с.
32. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть Оратории и Поэзии. СПб.: При Императорской Академии наук, 1748. 315 с.
33. Ломоносов М.В. Письмо к И.И. Шувалову // Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности. М.: Наука, 1998. С. 39–40.
34. Ломоносов М.В. Демофон: трагедия. СПб.: При Императорской Академии наук, 1752. 76 с.
35. Сумароков А.П. Хорев: трагедия. Представлена в первый раз в начале 1750 году на Императорском театре. СПб.: При Императорской Академии наук, 1768. 73 с.
36. Сумароков А.П. Гамлет: трагедия. СПб.: При Императорской Академии наук, 1748. 70 с.
37. Сумароков А.П. Притчи. Книга первая. СПб., 1762. 76 с.
38. Дружеруков А. Разговор в царстве мертвых Сумарокова с Ломоносовым. СПб.: В типографии Военной коллегии, 1777. 8 с.
39. Бестужев А.А. Знакомство с А.С. Грибоедовым // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 133–142.
40. Бестужев-Марлинский А.А. Лейтенант Белозор // Избранные повести. М.: Художественная литература, 1937. С. 286–362.
41. Востоков А.Х. Русская грамматика. По начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1831. 207 с.
42. Скуфос Ф. Златослов, или Открытие риторской науки, то есть искусства витийства / переведен с греч. Стефаном Писаревым; печ. иждивением изд. Всл. Мтрпл. [Василия Митропольского]. СПб.: При Императорской академии наук, 1779. 170 с.
43. Серебренников А. Краткое руководство к оратории российской: Сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречиюучающагося. М.: В Университетской типографии, 1778. 168 с.
44. Рижский И.С. Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище. СПб., 1796. 396 с.
45. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
46. Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения: к двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. 509 с.
47. Веневитинов Д.В. Ответ г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 104. № 24. С. 25–39.
48. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. Письма 1815–1830. М.: ГИХЛ, 1962. 495 с.
49. Шаликов П.И. Плод свободных чувствований. Часть III. М.: В университетской типографии, 1801. 240 с.
50. Практический курс русского языка: для преподавания в низших и средних учебных заведениях русским и иностранцем. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847. 106 с.
51. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1853. 497 с.
52. Смирнов А.П. Учебник русского языка: год первый. М.: В университетской типографии, 1853. 141 с.

53. Руководство к употреблению буквы ять и знаков препинания: практическое пособие. СПб., 1858. 106 с.
54. Классовский В.И. Знаки препинания в пяти важнейших языках. СПб., 1869. 61 с.
55. Гром Я.К. Русское правописание: руководство. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1890. 120 с.
56. Лебедев Н., Крестовоздвиженский А. Краткая русская грамматика с хрестоматией и наставлением о чтении и разборе их. Составили Н. Лебедев и А. Крестовоздвиженский. М.: Тип. Мамонтова, 1874. 90 с.
57. Малисс Я.Д. Сборник правил русского правописания. Составил по «Русскому правописанию» Я.К. Грота Я.Д. Малисс. М., 1897. 70 с.
58. Указы блаценныя и вечноностойныя памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, Генваря по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу Все-пресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийской. СПб.: При Императорской Академии наук, 1739. 1025 с.
59. Владимирский И. Знаки препинания. Руководство к употреблению знаков препинания в русской письменной речи. М.: Кн. маг. В.В. Думнова, 1904. 86 с.
60. Дымарский М.Я. Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 23–33.
61. Николаев А.А. Пунктуация стихотворений Тютчева // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 202–222.
62. Успенский Б.А. Краткий очерк русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гноэс, 1994. 240 с.
3. Zhivotov, V.M. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo jazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the 17th–18th Centuries]. Moscow: Jazyki slavjanskoy kultury Publ., 2004. 656 p. (In Russ.)
4. Ivanova, V.F. *O pervonachalnom upotreblenii tire v russkoy pechati* [On the Initial Use of the Dash in Russian Printing]. Sovremennaya russkaya punktuatsiya [Modern Russian Punctuation]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 236–253. (In Russ.)
5. Kopylova, S.A. *Funktzionirovaniye mnogotochiya v russkikh literaturnykh tekstakh XVIII–XX vekov* [The Functioning of the Ellipsis in Russian Literary Texts of the 18th–20th Centuries]. Avtoreferat dissertatsii kand. filol. nauk [Abstract of Ph.D. Dissertation]. 2000. 32 p. (In Russ.)
6. Gaevskaya, T.I. *Voprosy russkoy punktuatsii v trudakh grammatistov XVI–XVIII vekov* [Issues of Russian Punctuation in the Works of Grammarians of the 16th–18th Centuries]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut Publ., 1973. 39 p. (In Russ.)
7. Filologicheskoye naslediye M.V. Lomonosova [The Philological Heritage of M.V. Lomonosov]. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)
8. Adodurov, V.E. *Anfangs-Gründe der rußischen Sprache ili Pervye osnovaniya rossijskogo jazyka* [“Anfangs-Gründe der rußischen Sprache” or “The First Foundations of the Russian Language”]. St. Petersburg: Nauka Publ., Nestor-Istorija Publ., 2014. 256 p. (In Russ.)
9. Kareva, N.V. *Nemeckie istochniki “Rossijskoj grammatiki” M.V. Lomonosova: sistema glagolnyh vremen* [German Sources of M.V. Lomonosov’s “Russian Grammar”: The System of Verb Tenses]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. 2023, Vol. 45, No. 4, pp. 29–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.903. (In Russ.)
10. Shapiro, A.B. *Osnovy russkoj punktuacii* [Fundamentals of Russian Punctuation]. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955. 398 p. (In Russ.)
11. Maksimov, F. *Grammatika slavenskaja, vkratce sobrannaja* [Slavic Grammar, Briefly Compiled]. St. Petersburg: Tipografija Aleksandro-Nevskogo monastyrja Publ., 1723. 212 p. (In Russ.)
12. Heraskov, M.M. *O pismenah slavenorossijskikh i tisnenii knig v Rossii* [On Slavic-Russian Scripts and Book Printing in Russia]. Utrenniy svet [Morning Light]. Part 1, September, 1777. St. Petersburg, 1777, pp. 55–61. (In Russ.)
13. Zhivotov, V.M. *Jazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in 18th Century Russia]. Moscow: Jazyki russkoj kultury Publ., 1996. 591 p. (In Russ.)
14. Sumarokov, A.P. *O pravopisanii* [On Spelling]. Polnoe sobranie vseh sochinenij v stihah i proze [Complete

REFERENCES

1. Penkovskiy, A.B., Schwarzkopf, B.S. *Opty opisaniya russkoj punktuacii kak funktsionalnoy sistemy* [An Attempt to Describe Russian Punctuation as a Functional System]. Sovremennaya russkaya punktuatsiya [Modern Russian Punctuation]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 5–25. (In Russ.)
2. Nikolayeva, T.M. *O funktsiyakh punktuatsionnykh znakov v russkom jazyke* [On the Functions of Punctuation Marks in the Russian Language]. Sovremennaya russkaya punktuatsiya [Modern Russian Punctuation]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 26–46. (In Russ.)

- Works in Verse and Prose]. Part X. Moscow, 1782, pp. 3–50. (In Russ.)
15. Prokopovich, F. *Slovo v den' koronatsii Gosudaryni Imperatrity Ekateriny Alekseevny, govorennoe v Moskve v Uspenskom pervaoprestolnom sobore maja 7 dnja 1724 goda* [Speech on the Day of the Coronation of Empress Catherine Alekseevna, Given in Moscow at the Assumption Cathedral on May 7, 1724]. *Slova i rechi pouchitelye, pohvalnye i pozdravitelnye, sobrannye i nekotorye vtorym tisneem, a drugie vnov' naopechatannye* [Instructive, Eulogistic, and Congratulatory Speeches and Words, Collected and Some Printed a Second Time, and Others Newly Printed]. Part II. St. Petersburg, 1761, pp. 104–111. (In Russ.)
  16. *Kratkoe opisanie kommentarii Akademii nauk* [A Brief Description of the Comments of the Academy of Sciences]. St. Petersburg: Pri Akademii nauk Publ., 1728. 127 p. (In Russ.)
  17. *Istoricheskie, genealogicheskie i geograficheskie primechanii v Vedomostyakh, izdavaemye v Sankt-Peterburge pri Akademii nauk* [Historical, Genealogical, and Geographical Notes in the Gazette, Published in St. Petersburg at the Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1729. 416 p. (In Russ.)
  18. Fontenelle, Bernard le Bovier de. *Razgovory o mnogozhestve mirov g. Fontenella, Parizhskoi akademii nauk sekretaria* [Conversations on the Plurality of Worlds by Mr. Fontenelle, Secretary of the Paris Academy of Sciences]. Translated from French by Prince Antioch Kantemir in Moscow in 1730. St. Petersburg: Pri Akademii nauk Publ., 1740. 218 p. (In Russ.)
  19. Fénelon, François. *Istinnaya politika znatnykh i blagorodnykh osob* [The True Politics of Noble and Distinguished Persons]. Translated from French by Vasily Trediakovsky. St. Petersburg: Pri Akademii nauk Publ., 1737. 224 p. (In Russ.)
  20. Metastazio, Pietro Antonio Domenico. *Miloserdie Titovo: opera s prologom, predstavleniaia vo vremia vysokotorzhestvennogo dnia koronatsii Eia Imperatorskogo Velichestva Elisavety Petrovny samoderzhitsy vserossiiskoi* [The Clemency of Titus: An Opera with a Prologue, Presented on the Day of the Coronation of Her Imperial Majesty Empress Elizabeth Petrovna of All Russia]. Moscow: Pri Akademii nauk Publ., 1742. 48 p. (In Russ.)
  21. Bulgarin, F.V. *Ivan Ivanovich Vyzhigin* [Ivan Ivanovich Vyzhigin]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. St. Petersburg, 1839. 245 p. (In Russ.)
  22. Trediakovsky, V.K. *O drevnem, srednem i novom stikhovorenii rossiiskom* [On Ancient, Middle, and New Russian Poetry]. *Ezhmesiachnye sochineniya k polze i uveseleniu sluzhashchie* [Monthly Essays for Use and Entertainment]. June 1755. St. Petersburg, 1755, pp. 467–510. (In Russ.)
  23. Kantemir, A.D. *Sochineniya, pisma i izbrannye perevody* [Works, Letters, and Selected Translations]. Edited by P.A. Efremov. St. Petersburg, 1867. 725 p. (In Russ.)
  24. Gershkovich, Z.I. *K istorii sozdaniia pervykh satir Kantemira* [On the History of the Creation of Kantemir's First Satires]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 5. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1962, pp. 349–357. (In Russ.)
  25. Kantemir, A.D. *Satiry i drugie stikhovornye sochineniya kniazia Antiocha Kantemira, s istoricheskimi primechaniiami i iziasneniem neiasnykh mest* [Satires and Other Poetic Works of Prince Antioch Kantemir, with Historical Notes and Explanations of Obscure Places]. St. Petersburg: Pri Akademii nauk Publ., 1762. 303 p. (In Russ.)
  26. Kantemir, A.D. *Satyry (5) A.D. Kantemira s Pre-disloviami k chitateliu i iziasneniiami* [Five Satires by A.D. Kantemir with Prefaces to the Reader and Explanations]. *Rukopisnaia versiia iz sobraniia Tikhonravova N.S.* [Manuscript Version from the Collection of N.S. Tikhonravov]. Document signature of NEB: 000199_000009_006708424. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006708424/ (In Russ.)
  27. Kantemir, A.D. *Antiocha Kantemira rech k imperatritse Anne Ioannovne i pervye piat' satir: v pervonachalnoi redaktsii* [Antioch Kantemir's Speech to Empress Anna Ioannovna and the First Five Satires: in the Original Edition]. *Rukopisnaia versiia iz sobraniia Piskareva D.V.* [Manuscript Version from the Collection of D.V. Piskarev]. Document signature of NEB: 000199_000009_006564769. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006564769/ (In Russ.)
  28. Karamzin, N.M. *Panteon russkikh avtorov* [Pantheon of Russian Authors]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802, No. 20, pp. 285–291. (In Russ.)
  29. Grinberg, M.S., Uspenskiy, B.A. *Literaturnaya voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov* [The Literary War between Trediakovsky and Sumarokov in the 1740s – Early 1750s]. Russian Literature. 1992, 31 (2), pp. 133–271. [https://doi.org/10.1016/0304-3479\(92\)90029-E](https://doi.org/10.1016/0304-3479(92)90029-E) (In Russ.)
  30. Trediakovsky, V.K. *Razgovor mezhdu chuzhestrannym chelovekom i rossiiskim ob orfografi: starinnoi i novoi, i o vsem, chto prinadlezhit k sei materii* [Conversation between a Foreign Man and a Russian about Orthography: Old and New, and Everything Related to This Matter]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1748. 460 p. (In Russ.)
  31. Kholshevnikov, V.E. *Stikhovedenie i poezia* [Versification and Poetry]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta Publ., 1991. 254 p. (In Russ.)
  32. Lomonosov, M.V. *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiu. Kniga pervaia, v kotoroi soderzhitsa ritorika, pokazyvaiushchaia obshchie pravila oboego krasnorechii, to est' Oratorii i Poezii* [A Short Guide to Eloquence. Book One, Containing Rhetoric, Showing General

- Rules of Both Types of Eloquence, That Is, Oratory and Poetry]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1748. 315 p. (In Russ.)
33. Lomonosov, M.V. *Pismo k I.I. Shuvalovu* [Letter to I.I. Shuvalov]. *Urania. Karmannaia knizhka na 1826 god dlia liubitelnits i liubitelei russkoi slovesnosti* [Urana. Pocket Book for 1826 for Lovers of Russian Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1998, pp. 39–40. (In Russ.)
34. Lomonosov, M.V. *Demofont: tragediia* [Demofont: Tragedy]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk ubl., 1752. 76 p. (In Russ.)
35. Sumarokov, A.P. *Khorev: tragediia. Predstavlena v pervyi raz v nachale 1750 godu na Imperatorskom teatre* [Khorev: Tragedy. First Performed in Early 1750 at the Imperial Theatre]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1768. 73 p. (In Russ.)
36. Sumarokov, A.P. *Gamlet: tragediia* [Hamlet: Tragedy]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1748. 70 p. (In Russ.)
37. Sumarokov, A.P. *Pritchii: Kniga pervaia* [Parables: Book One]. St. Petersburg, 1762. 76 p. (In Russ.)
38. Druzherukov, A. *Razgovor v tsarstve mertvykh Sumarokova s Lomonosovym* [A Conversation in the Kingdom of the Dead between Sumarokov and Lomonosov]. St. Petersburg: V tipografii Voennoj kollegii Publ., 1777. 8 p. (In Russ.)
39. Bestuzhev, A.A. *Znakovstvo s A.S. Griboedovym* [Acquaintance with A.S. Griboedov]. *A.S. Griboedov v vospominaniakh sovremennikov* [A.S. Griboedov in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Federatsiia Publ., 1929, pp. 133–142. (In Russ.)
40. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. *Leitenant Belozor* [Lieutenant Belozor]. *Izbrannye povesti* [Selected Stories]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1937, pp. 286–362. (In Russ.)
41. Vostokov, A.Kh. *Russkaia grammatika. Po nachertaniiu sokrashchennoi grammatiki, polnee izlozhennia* [Russian Grammar. Based on the Outline of a Short Grammar, More Fully Presented]. St. Petersburg: V tipografii Departamenta narodnogo prosveshhenija Publ., 1831. 207 p. (In Russ.)
42. Skufos, F. *Zlatoslov, ili Otkrytie ritorskoi nauki, to est' iskusstvo vitiistva* [Zlatoslov, or The Discovery of Rhetoric, That Is, the Art of Eloquence]. Translated from Greek by S. Pisarev; printed at the expense of the publisher V. Mitropolsky. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1779. 170 p. (In Russ.)
43. Serebrennikov, A. *Kratkoe rukovodstvo k oratorii rossiiskoi: Sochinonnoe v Lavrskoi seminarii v polzu iunoshestva, krasnorechiiu obuchaiushchagosia* [A Short Guide to Russian Oratory: Composed in the Lavra Seminary for the Benefit of Youth Studying Eloquence]. Moscow: V Universitetskoy tipografii Publ., 1778. 168 p. (In Russ.)
44. Rizhsky, I.S. *Opyt ritoriki, sochinennoi i prepodaavaemoi v S.-Peterburgskom Gornom Uchilishche* [An Essay on Rhetoric, Composed and Taught at the St. Petersburg Mining School]. St. Petersburg, 1796. 396 p. (In Russ.)
45. Valgina, N.S. *Sovremennyi russkii iazyk. Sintaksis* [Modern Russian Language. Syntax]. Moscow: Vyschaya shkola Publ., 2003. 416 p. (In Russ.)
46. Toporov, V.N. “*Bednaia Liza*” Karamzina: opyt prochteniia: k dvukhsotletiiu so dnia vykhoda v svet
- [“Poor Liza” by Karamzin: An Interpretation: To the Bicentennial of its Publication]. Moscow: RGGU Publ., 1995. 509 p. (In Russ.)
47. Venevitinov, D.V. *Otvet g. Polevomu* [Reply to Mr. Polovoi]. *Syn otechestva* [Son of the Fatherland]. 1825, No. 104 (24), pp. 25–39. (In Russ.)
48. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 9. Pisma 1815–1830* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 9. Letters 1815–1830]. Moscow: GIKhL Publ., 1962. 495 p. (In Russ.)
49. Shalikov, P.I. “*Plod svobodnykh chuvstvovanii*”. *Chast III* [The Fruit of Free Feelings. Part III]. Moscow: V universitetskoy tipografi Publ., 1801. 240 p. (In Russ.)
50. *Prakticheskiy kurs russkogo jazyka: dlya prepodavaniya v nizshikh i srednikh uchebnykh zavedeniakh russkim i inostrantsem* [Practical Course of the Russian Language: For Teaching in Lower and Middle Educational Institutions to Russians and Foreigners]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1847. 106 p. (In Russ.)
51. Davydov, I.I. *Opyt obshchesravnitelnoy grammatiki russkogo jazyka, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk* [The Attempt of the General Comparative Grammar of the Russian Language, Published by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1853. 497 p. (In Russ.)
52. Smirnov, A.P. *Uchebnik russkogo jazyka: god pervy* [Russian Language Textbook: First Year]. Moscow: V universitetskoy tipografi Publ., 1853. 141 p. (In Russ.)
53. *Rukovodstvo k upotrebleniyu bukvy yat' i znakov prepinaniya: prakticheskoe posobie* [Guide to the Use of the Letter Yat' and Punctuation Marks: Practical Manual]. St. Petersburg, 1858. 106 p. (In Russ.)
54. Klassovskiy, V.I. *Znaki prepinaniya v pyati vazhneyshikh yazykakh* [Punctuation Marks in Five Major Languages]. St. Petersburg, 1869. 61 p. (In Russ.)
55. Grot, Ya.K. *Russkoe pravopisanie: rukovodstvo* [Russian Orthography: A Guide]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1890. 120 p. (In Russ.)
56. Lebedev, N., Krestovozdvizhenskiy, A. *Kratkaya russkaya grammatika s khrestomatieyu i nastavleniem o chtenii i razbore ikh* [A Short Russian Grammar

- with a Chrestomathy and Instructions on Reading and Analyzing Them]. Compiled by N. Lebedev and A. Krestovozdvizhenskiy. Moscow: Tipografiya Mamontova Publ., 1874. 90 p. (In Russ.)
57. Maliss, Ya.D. *Sbornik pravil russkogo pravopisaniya. Sostavil po "Russkomu pravopisaniyu" Ya.K. Grotu Ya.D. Maliss* [A Collection of Russian Spelling Rules. Compiled According to Ya.K. Grot's "Russian Orthography" by Ya.D. Maliss]. Moscow, 1897. 70 p. (In Russ.)
58. *Ukazy blazhennoy i vechnodostoynoy pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikogo Samoderzhtsa Vse-rossiyskogo, sostoyavshiesya s 1714, po konchinu Ego Imperatorskogo Velichestva, Genvarya po 28 chislo 1725 godu. Napechatany po ukazu Vsepresvetleyshey Derzhavneyshey Velikoy Gosudaryni Imperatrity Anny Ioannovny Samoderzhitsy Vserossiyskoy* [Decrees of the Blessed and Ever-Worthy Memory of His Majesty Emperor Peter the Great, Sovereign of All-Russia, Made from 1714, Until His Imperial Majesty's Death, January 28, 1725. Printed by Order of Her Most Serene Majesty Empress Anna Ioannovna, Sovereign of All-Russia]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1739. 1025 p. (In Russ.)
59. Vladimirskiy, I. *Znaki prepinaniya. Rukovodstvo k upotrebleniyu znakov prepinaniya v russkoy pismennoy rechi* [Punctuation Marks. A Guide to the Use of Punctuation Marks in Russian Written Speech]. Moscow: Kn. mag. V.V. Dumnova Publ., 1904. 86 p. (In Russ.)
60. Dymarskiy, M.Ya. *Intonatsionnyy printsip russkoy punktuatsii i ego primenie v formulirovakh pravil* [The Intonation Principle of Russian Punctuation and Its Application in Rule Formulations]. Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku [Language and Method. Russian Language in Linguistic Research of the 21st Century]. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego Publ., 2021, pp. 23–33. (In Russ.)
61. Nikolaev, A.A. *Punktuatsiya stikhotvoreniy Tyutcheva* [The Punctuation of Tyutchev's Poems]. Sovremennaya russkaya punktuatsiya [Modern Russian Punctuation]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 202–222. (In Russ.)
62. Uspenskiy, B.A. *Kratkiy ocherk russkogo literaturnogo jazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 240 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 5 августа 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 сентября 2024 г.*

*Статья принята к публикации: 7 октября 2024 г.
Дата публикации: 28 февраля 2025 г.*

*Received by Editor on August 5, 2024
Revised on September 23, 2024
Accepted on October 7, 2024
Date of publication: February 28, 2025*